

Инверсионный след

"У вас продаются женские следы?"
Покупательница на рынке "Южный"

"Инверсия — нарушение нормального порядка двух элементов в перестановке".
Советский энциклопедический словарь

Мириады светящихся квадратов и точек под черно-бирюзовой акварелью неба. Неустанно и аккуратно кто-то вырезает в ночи квадратные дырки, сквозь которые мягко сочится свет. Полночь. Красное бодрствующее окошко — там — на дне видимого пространства — отзывается нежной, но болью, кричит старинной знакомой песней. Это уже было. Мириады повторяющихся мгновений. Как времена года. Так отчаянно ярко уже пылало это квадратное солнце среди остальных потухающих друг за другом светил. Все темнее, мир засыпает, а оно — горит.

Так уже шелестел ветер, и воздух пился так же сладко и ненасытно. Глаза так же жадно ловили это красное дрожащее электрическое пламя.

Простите меня, окно. Я не в силах не нарушить покой, я только одним глазком — что там, за алой шторкой? За таинственным блеском взгляда? За крепостью полуднамека? Я тихонько, по-партизански, осторожно, я не нарушу хрупкие кружева полуслов, витые орнаменты полумыслей. Это все древняя, исконно непобедимая тоска не позволяет зарубцеваться. Растет, зеленеет и колосится, назло всем газонокосилкам. От нее больно трескается земля, извергаются лавы, режут волны. От нее сладко щебечут листья, цветут стихи, вырифмовываются картины.

Красное солнце потухло — мир заснул. Еще одно маленькое мгновение, мир, последний телепатический вопросик: какие сны живут под вашими сомкнутыми ресницами?

Это все самолет. Тихо плывет над лесом по своим аэродинамическим делам, вспарывает бирюзовую кожу неба, исчезает, и только пухлый восхитительный шрам еще долго будет рассасываться между рыхлыми облаками. Где ты, самолет? — кричишь в безмолвье пространства. Он оставил меня в подарок — отвечает след. Ты распахиваешь глаза и смотришь изо всех сил. Нужно исследовать, ни капли не пропустить, исчерпать до самого дна, впитать, немедленно утолить жажду — ведь растает, непременно растает. Кто может угадать, вернется ли он снова?

Утро. Работа. Рынок "Южный". Живые струйки людей мимо, разноцветье голосов, пестрый коллаж товаров. Тела всех размеров и лица с вопросительными глазами. "Почем маечки?" "Мне на меня, такое, брючками, белое". "А есть такие же, только с пропеллером на батарейках?" Вот и новая двуногая вселенная ищет на лето трикотажную оболочку. Глядит в зеркало с унылым разочарованием, покупает или не покупает. Облака занавешены белым тряпьем на прищепках — от дождя и чтобы не жарко. А в просвете между брезентовыми лохмотьями — тополиная крона, провода и чистый лоскут небосвода. Ау, самолет! "Газета "Вечерние вести" — сорок копеек, программа на следующую неделю, гороскоп". "Ревит, оскорбинка, поливитамин". "Нет, спасибо, я лучше грейпфрут или апельсины". "Взгляните на ту девочку в черном — мегатонны бесстыдного целлюлита — безобразия!" "Футболочки на меня есть?" "Это не женский цвет!" "Все проходит — плохое и хорошее". "Саша, иди сюда!" "На заборе тоже написано: "пизда" — один поц засунул, а там гвоздь!"

Лица. Лица. Лица. От каждого полузаметный привкус в памяти, молниеносно выветривающийся следочек. Ау, самолет! Вот он! Неужели накликала? Летит! Самый что ни на есть! Урчит своим неслышным мотором. Живет! А я тебя здесь зову, видишь — написано. Жизнь — это магия — говорит.

Взрывается, взрывается, взрывается сердце. Вот он, парит, здесь и сейчас, минутку — и скроется, умчится к своим аэропортам. Не зевай, дыши, пей стремительную неуловимую красоту! Рот терпнет. Усилие — разжимаешь зубы — и сыплется сыплется сыплется бездумная лихорадка слов, как песок противопожарный. Хочется, чтобы он замер, застыл в цементе настоящей секунды, но тогда он бы неумолимо рухнул. Если бы я здесь всегда летел, — потерялся бы вкус, говорит. Конечно, — соглашаюсь не соглашаясь.

Исчез. Ау, самолет!

Вместо него — я, — отвечает след.

